

The Vietnamese Market in a Post-Soviet City: History, Social Boundaries, and Infrastructure (A Case Study of Magnitogorsk)

Andrey A. Avdashkin

South Ural State University. Chelyabinsk, Russia.

Email: [adrianmaricka\[at\]mail.ru](mailto:adrianmaricka[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Received: 8 August 2023 | Revised: 20 November 2023 | Accepted: 1 December 2023

Abstract

The phenomenon of ethnic markets, most often Chinese, in Russian cities has been long studied, but the mechanisms behind the formation of similar markets characterized by the ethnicity of other migrant groups such as the Vietnamese, remain unclear. Taking Magnitogorsk as an example, this article seeks to answer the following questions: how does a “Vietnamese” market emerge, what meanings do city residents attribute to this construct, and what role does it play in the everyday life of various migrant groups. The source base includes results from fieldwork in Magnitogorsk, archival documents, and both electronic and print media. The methodological framework of the manuscript encompasses analytical sociology, mobility theory, and the concept of the right to the city. It was established that the Vietnamese market does indeed exist in the minds of Magnitogorsk residents; however, it quickly evolved as the focus of the host community shifted to migrants from Tajikistan. The presence of the latter served as a basis for redefining the boundaries of “our” and “foreign” locations, with visitors from Vietnam becoming merely an addition to the general structure of interactions between “locals” and “migrants”. The infrastructure of Vietnamese “guests” is as concealed as possible, which is caused by their role as a minority subjected to various discriminatory practices. The hypothesis is that the market, labeled by the townspeople as Vietnamese, and its location, became the organizational foundation for the development of the social infrastructure of other migrant groups, primarily the immigrants from Tajikistan.

Keywords

Vietnamese Market; Vietnamese; Migration; Post-Soviet City; Social Borders; Magnitogorsk

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Вьетнамский рынок в постсоветском городе: история, социальные границы и инфраструктура (на примере Магнитогорска)

Авдашкин Андрей Александрович

Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. Email:
adrianmaricka[at]mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Рукопись получена: 8 августа 2023 | Пересмотрена: 20 ноября 2023 | Принята: 1 декабря 2023

Аннотация

Феномен этнических, чаще всего китайских, рынков в российских городах уже изучен, но пока не ясны механизмы образования аналогичных рынков, маркированных этничностью других мигрантских групп, например, вьетнамских. В статье на примере Магнитогорска предпринята попытка ответить на следующие вопросы: как возникает «вьетнамский» рынок, какими смыслами этот конструкт наделяется жителями города, какова его роль в повседневной жизни различных групп мигрантов. Источниковую базу составили результаты полевой работы в Магнитогорске, архивные документы, электронные и печатные СМИ. Методологические рамки рукописи составляют аналитическая социология, теория мобильности и идея о праве на город. Установлено, что вьетнамский рынок действительно существует в представлениях магнитогорцев, он быстро обновлялся, поскольку внимание принимающей стороны перефокусировалось на мигрантов из Таджикистана. Присутствие последних послужило основанием для переопределения границ «своих» и «чужих» локаций, в то время как приезжие из Вьетнама стали лишь дополнением к общей структуре взаимодействий «местных» и «мигрантов». Инфраструктура вьетнамских «гостей» максимально скрыта, что обусловлено их ролью меньшинства, испытывающего воздействие различных дискриминационных практик. Гипотеза состоит в том, что рынок, маркированный горожанами в качестве вьетнамского, и его местоположение стали организационной основой для развития социальной инфраструктуры других мигрантских групп, главным образом выходцев из Таджикистана.

Ключевые слова

вьетнамский рынок; вьетнамцы; миграция; постсоветский город; социальные границы; Магнитогорск

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Этнические рынки остаются важной отправной точкой в полемике о миграции. Они воспринимаются как сосредоточение рабочих мест мигрантов, их образа жизни и повседневных связей; там же расположены кафе этнической кухни, молитвенные комнаты и другие институты, оказывающие влияние на застройку поблизости. После распада СССР многие рынки ассоциировались с китайцами, китайскими «челноками», китайскими товарами, что способствовало вхождению в обиход жителей российских городов понятия «китайский рынок». Помимо собственно китайских рынков, например, в Иркутске и Челябинске, в ряде российских городов действуют вьетнамские рынки, в частности в Оренбурге, Казани, Уфе и Магнитогорске¹.

В Челябинске – важном логистическом центре для поставки товаров на рынки городов области – сложилась крупная вьетнамская община (Соколов, 2016, с. 151–152), однако вьетнамский рынок возник в Магнитогорске. Выбор Магнитогорска в качестве объекта исследования обусловлен именно этим соображением.

Цель статьи – на примере Магнитогорска охарактеризовать механизм формирования вьетнамского рынка. Это позволит ответить на следующие исследовательские вопросы: как возникает вьетнамский рынок в российском городе, какими смыслами он наделяется жителями, какова роль этой локации в повседневной жизни различных групп мигрантов и формировании мигрантской инфраструктуры, как он влияет на проведение границ в городском пространстве.

В последние годы подготовлена серия исследований о влиянии структуры постсоветских городов на поведение мигрантов. Также в фокус внимания ученых попали изменения городского пространства под воздействием миграции (См.: Каменских, 2018; Деминцева, 2020; Варшавер, Рочева & Иванова, 2021). В мигрантскую инфраструктуру входят, как уже сказано, национально-культурные объединения, кафе «этнической» кухни, медицинские центры и кабинеты, а также сети отношений, основанные на предоставлении различных услуг, взаимном контроле, поддержке, кооперации и т.д. (Пешкова, 2015а).

Как отметили О. Бредникова и О. Паченков (2002), а позднее С. Джанызакова (2021), предприниматели-мигранты, реагируя на социальные и экономические изменения в принимающем обществе, проявляют гибкость в вопросах «применения» собственной самобытности, задействуют различные социальные связи для развития своего бизнеса вопреки установкам о внутренней солидарности и замкнутости. Созданные ими институты предоставляют другим мигрантам всевозможные услуги, отчасти дублирующие сервисы для всех жителей города: бюджетные медицинские центры (Demintseva &

1 Запросы «вьетнамский рынок», «вьетнамский рынок в российском городе» выдавали в основном эти города.

Kashnitsky, 2016), «этнические» кафе (Пешкова, 2015b), мигрантские религиозные центры (Опарин, 2022).

С одной стороны, мигранты действительно формируют в российских городах институции и социальные связи, которые можно охарактеризовать как «второе общество», поскольку они функционируют, зачастую оставаясь вне поля зрения и вне доступа большинства горожан. Но в то же время существенная часть мигрантской инфраструктуры может выделяться в языковом ландшафте города визуально (Баранова & Федорова, 2020). Будучи ориентирована на местных жителей, эта часть инфраструктуры предоставляет специфические товары или услуги, ассоциирующиеся с определенной этнической группой.

Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили результаты полевых исследований автора, документы Объединенного государственного архива Челябинской области, а также материалы печатных и электронных медиа. В январе-июле 2023 гг. проведена серия неструктурированных глубинных и экспресс-интервью с вьетнамскими мигрантами. В Челябинске собрано 3 глубинных и 4 экспресс-интервью, в Магнитогорске – 19 глубинных и 11 экспресс-интервью, реализовано в общей сложности 20 часов включенного наблюдения в местах работы и проживания мигрантов из Вьетнама в Магнитогорске. Средняя продолжительность глубинных интервью составляла 30 минут, в основном они проходили после завершения рабочего дня в кафе или на кухнях общежитий. Дополнительно интервьюировались жители домов (23 экспресс-интервью), соседствующих в Магнитогорске с общежитиями, где проживают вьетнамские мигранты, а также мигранты из Китая и Центральной Азии, работающие с вьетнамцами или живущие с рядом ними (16 экспресс-интервью). Имена интервьюируемых изменены по договоренности с ними.

Сведения о численности вьетнамских мигрантов, а также структуре их занятости во второй половине 1990-х гг. отражены в документах миграционной службы Челябинской области (Ф. Р-705). Материалы, содержащиеся в фондах управления по взаимодействию с правоохранительными и военными органами Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-1879) и Комитета по внешним связям и внешнеэкономической деятельности (ОГАЧО. Ф. Р-1404), позволяют почерпнуть данные о численности мигрантов, официально занятых в сфере торговли, и их местах проживания. На основе публикаций в печатных (Магнитогорский рабочий) и электронных СМИ (74.ru, MagCity74 и др.) реконструируется история появления и развития мигрантских локаций, прослеживается их маркирование этническими терминами и т.д.

Теоретической рамкой статьи является аналитическая социология, позволяющая понять, как миграции последних десятилетий видоизменяли класси-

ческий моногород советской эпохи. Внимание автора акцентируется на действиях, взглядах или мотивах членов городского сообщества, включая мигрантов и не мигрантов; их пространственном распределении и различных неравенствах; топологии социальных связей, описывающей отношения между членами коллектива; наконец, на неформальных правилах или социальных нормах, ограничивающих действия членов коллектива (Hedström & Ylikoski, 2010; Мертон 2009). Вот примерная каузальная цепочка, которая будет раскрываться на разных примерах далее по тексту, а из них складываться и объясняться ситуация в городе в целом. На микроуровне мы видим, с одной стороны, горожан, желающих сменить место жительства¹, а с другой, емкий рынок труда (торговля и строительство) в сочетании с освобождающимся жильем в «рабочих» районах (Орджоникидзевский, Правобережный). Будучи лишен постоянного притока населения извне за счет внутрироссийских миграций, Магнитогорск рассматривался как благоприятное место для ведения бизнеса и трудоустройства у вьетнамских и центральноазиатских мигрантов. Все это привело к цепочке непреднамеренных последствий, а именно, увеличению доли иноэтничных мигрантов, созданию ими своей специфической инфраструктуры (общежития, торговые точки и сам рынок, заведения общепита и т.д.), реакциям со стороны горожан на эти процессы. В силу этих обстоятельств рынок быстро приобрел определенный этнический облик в восприятии магнитогорцев; эти же представления распространялись на окружающую его застройку.

Вспомогательную роль играли теория мобильности (Hannam, Sheller & Urry, 2006) и идеи права на город (Lefebvre, 2000). Теория мобильности фокусирует внимание на том, что для появления стабильно функционирующих районов концентрации вьетнамских мигрантов необходимо не только их продолжительное пребывание в стране, но и наличие возможности создавать свои институты. Опыт последних трех десятилетий показывает, что места их концентрации связаны с появлением и изменением товарных потоков и др. Применение концепта о праве на город позволяет описать конкуренцию за символическую власть над городским пространством. В рассматриваемых случаях речь идет о локациях, которые трактуются жителями как мигрантские. Идеи об отторжении пространства показывают, как появление различных групп мигрантов приводило к утрате принимающей стороной (по крайней мере, в ее собственном представлении) прав на определение функций городского пространства, доминирующих в нем смыслов и образов.

Маркирование локаций этническими терминами

Общественность и представители органов власти рассматривают постсоветский феномен миграции сквозь призму этничности. Большинство проблем

1 На это влияет сложная экологическая ситуация, ветшающая инфраструктура, поиск возможности реализовать себя в более крупном городе с диверсифицированным рынком труда и услуг

и конфликтов, так или иначе связанных как с ним, так и с трансграничной мобильностью, рассматривается преимущественно в этнических категориях противопоставления «своих» и «чужих», «мигрантов» и «местных». Весь этот сложный спектр социальных взаимодействий воспринимается, исходя из принадлежности к той или иной этнической группе. Исходной локацией для этнизации городского пространства служили рынки под открытым небом (Дятлов, 2015).

Возникнув на рубеже 1980-х – 1990-х гг., «этнические» рынки, прежде всего китайские, играли огромную роль в удовлетворении спроса россиян на товары эконом-класса, поставляемые в основном из Китая. Как таковые, рынки являются важным кластером рабочих мест и сосредоточением социальной жизни мигрантов, превращая торговые площадки в место повседневных контактов местных жителей и мигрантов, а также мигрантов из различных стран. Собственно китайскими рынки сделало не «преобладание» китайцев, а восприятие этих локаций и отношений внутри них коренными горожанами (См.: Дятлов, 2020, с. 587). По данным социологов за 2009 г., одной из основных ассоциаций россиян с КНР являлись именно китайские товары, в том числе т. н. «китайского» качества (ВЦИОМ: Китай в первую очередь..., 2009).

Представления о «китайскости» рынков распространялось и на прилегающую к ним застройку. Наименование «китайский квартал», или чайна-таун, приобретало характер метафоры, становилось реакцией на появление китайцев, ставшее во многом неожиданным для принимающей стороны. Российский контекст маркирования локаций в качестве китайских предполагал форму выражения антикитайских настроений, механизм построения границ между еще «нашим» и уже «чужим» пространством (Дятлов, 2008; Дятлов, 2020). Будучи крупным городом на перекрестке транспортных маршрутов, Челябинск привлек внимание китайских «челноков», что привело к формированию крупного китайского рынка, а затем нагнетанию страхов перед появлением китайского квартала. Однако китайское засилье так и осталось воображаемым, а места китайцев на рынке и в жилой застройке заняли мигранты из Центральной Азии.

В Магнитогорске ситуация складывалась иная. Оценить маркирование тех или иных местностей в качестве вьетнамских значительно сложнее, поскольку принимающая сторона не выделяла их отдельно, как это было с локациями китайцев. Вьетнамцы не воспринимались в качестве угрозы в отличие от китайцев, незначительное присутствие которых способствовало быстрой «китаизации» конкретного пространства, будь то сельская местность или торговые площади под открытым небом. В периодике 1990-х гг. и собранных в Магнитогорске интервью не обнаруживается завершенных и целостных представлений о вьетнамском рынке или вьетнамском квартале. Статьи в газетах описывали именно сам «рынок» или «ярмарку», практически

не прибегая к их этническому маркированию (См.: Рыночные переделки, 1995, май 31, с. 4; Около цирка появилась продовольственная ярмарка. 1999, февраль 27, с. 11). Характеристики этнического состава торговцев встречаются, но китайцы или вьетнамцы в этих текстах не упоминались (По законам рынка, 1995, сентябрь 6, с. 3).

Хотя посещаемый практически всеми жителями города вещевой рынок с китайскими (реже вьетнамскими) вещами действовал в городе с конца 1990-х – начала 2000-х гг., собственно «китайский рынок» аналогичный тому, что существовал в этот период в Челябинске, – не возник. В сети интернет сохранилась страница с указанием местоположения вьетнамского рынка в Магнитогорске (Рис. 1). На вопрос, есть ли он на данный момент, информанты отвечали: «китайцев нет, но есть вьетнамцы, есть просто Восточный рынок, где все национальности». Только некоторые представители старшего поколения сразу указали на то, что рынок «лет двадцать назад называли «Вьетнамка», где можно было купить все по доступным ценам у вьетнамцев. Только в одной из статей, опубликованных в более поздний период (2007 г.), встречено упоминание «Китайка» применительно к вещевой ярмарке возле цирка (Как таджику обрусеть?, 2007, апрель 3, с. 1).

Вьетнамский рынок (Магнитогорск) | торговый ряд, вещевой рынок

Russia / Cheljabinsk / Magnitogorsk / Магнитогорск

торговый ряд, вещевой рынок

Рисунок 1. Местоположение Вьетнамского рынка в Магнитогорске (ориентировочно по сост. на 2012 г. скриншот взят: Вьетнамский рынок...)

Figure 1. Location of the Vietnamese market in Magnitogorsk (approximate as of 2012, screenshot taken from: Vietnamese market...).

Китаефобия постсоветского периода и установка «они все на одно лицо» позволила описывать и случаи вьетнамской миграции, которые принимающая сторона встраивала в этот же контекст. Во многом так происходило потому, что граждане нашей страны практически не различают мигрантов из Китая и Вьетнама. Скорее вьетнамские мигранты и факт их присутствия играли

важную роль в наполнении пространства вокруг рынка символами «мигрантскости», его ориентализации. Как отметил один из информантов: «там весь Восток представлен».

Существенную корректировку в процессы этнизации публичного пространства, на наш взгляд, внес рост миграции из Таджикистана (Олимова, 2003, с. 28) за последние два десятилетия. В Магнитогорске сложилась крупная община мигрантов из этой страны. Первоначальные предположения о том, что ключевым фактором притяжения являлись сами рынки, не подтвердились в полной мере. Оказалось, что значительная часть мигрантов из Таджикистана занята в сфере строительства и на многочисленных промышленных предприятиях города (разнорабочие, грузчики, водители, электрики, строители и др.). По некоторым данным, в Магнитогорске до пандемии проживало порядка 20 тыс. таджиков (Реутова, 2018). По оценкам информантов, около половины составляли рабочие, «вахтовики», члены их семей. Более подробно изучить этот сюжет не получилось, поскольку основной фокус статьи предполагался именно на рынке и его роли в притяжении мигрантов, но полевые исследования ясно показали, что основной сферой трудовой деятельности мигрантов из Центральной Азии является далеко не всегда торговля.

Как отмечают информанты, внимание, а затем и социальное недовольство сфокусировалось постепенно на таджиках. Горожане осознают, что вьетнамцы в городе есть, многие вспоминали случаи, когда с ними контактировали на рынке, встречали их на улицах – обычно рано утром или поздним вечером. Однако этого оказывалось недостаточно для обозначения локаций как вьетнамских, поскольку маркировать рынок, товары и мигрантов существенно привычнее в рамках дискурса о китайских рынках.

Границы «Свой-Чужой» в пространстве Магнитогорска

Полевые материалы показали, что у жителей Магнитогорска сложилось представление о том, где живут, учатся, работают и проводят время представители различных мигрантских групп. При этом вьетнамцы, даже принимая во внимание отрицательное к ним отношение, все реже воспринимаются как группа, претендующая на создание «своих» локаций. Исключение составляли китайские рабочие общежития и информационные поводы, связанные с пикетом китайских рабочих в Магнитогорске, не желавших прививать российскую вакцину от коронавируса и просивших помощи у правительства в возвращении в Китай (См.: Лялькова, 2021).

Наиболее заметной группой, оказывающей влияние на формирование границ «свой-чужой», названы мигранты из Таджикистана, поскольку они многочисленны и многодетны, а женщины и девочки в их семьях зачастую носят «закрытую» одежду, что резко выделяет их визуально («...мы где? В Душанбе?!»). К тому же, как отметили информанты, прибывшие из Таджики-

стана, в последние «два года таджиков стало больше, причем это произошло за счет детей и женщин, получивших гражданство». Слова наших информантов подтверждают выкладки МВД и Челстата о миграции из Таджикистана и показателях получения российского гражданства мигрантами из этой страны в 2021-2022 гг. (Альков, 2022; Миграция из Таджикистана в Россию... 2023).

Кварталы, прилегающие к Центральной ярмарке в Магнитогорске, имеют репутацию «старых» и «рабочих». Их население длительное время состояло из сотрудников ММК и многочисленных предприятий, связанных с индустриальным гигантом. В настоящее время эта застройка не относится к категории престижных городских районов, поэтому население данных кварталов обновляется в основном из состава таджикских мигрантов, в меньшей степени жителей сельских районов области. Если лет пять-семь назад это были в основном группы молодых мужчин, круглосуточно занятых на работе и практически незаметных в повседневной жизни, то теперь это большие семьи. Маркеры присутствия «других» выглядят следующим образом. Женщины с детьми «занимают» практически все окрестные игровые площадки, дети посещают дошкольные учреждения, учатся в школах, что способствует проведению и закреплению социальных границ уже на качественно новом уровне.

Статусом «мигрантских» в Магнитогорске наделены школы № 12 и № 66 (рис. 2), где существенную часть контингента составляют дети из мигрантских семей («...в классе столько таджиков, они не знают толком русского» и т.д.). В рамках ксенофобского нарратива и создания социальных границ местными жителями рассматриваются окрестные дворы и детские площадки. Последние становятся оспариваемой локацией, поскольку компании матерей с детьми делят между собой места во дворах, формулируют представления о пространственных границах и местах, где «сидим мы, играют наши, а где таджики». Слова информантов подтверждаются результатами серии включенного наблюдения.

Крайне важным фактором, закрепляющим, с одной стороны, ярко выраженный мигрантский имидж района, но, с другой стороны, препятствующим его «вьетнамизации», стало близкое соседство крупного кластера рабочих мест в виде этнического рынка и соборной мечети. Это сочетание придает особый ракурс восприятию данной застройки как ассоциирующейся с мигрантскими группами, их конфессиональными институтами и т.д. Во время полевых исследований мигранты из Узбекистана или Кыргызстана указывали на функционирование в пределах рынка небольшой молитвенной комнаты, поскольку в соборную мечеть ходят в основном таджики. Проверить эти данные на текущем этапе реализации исследовательского проекта не удалось.

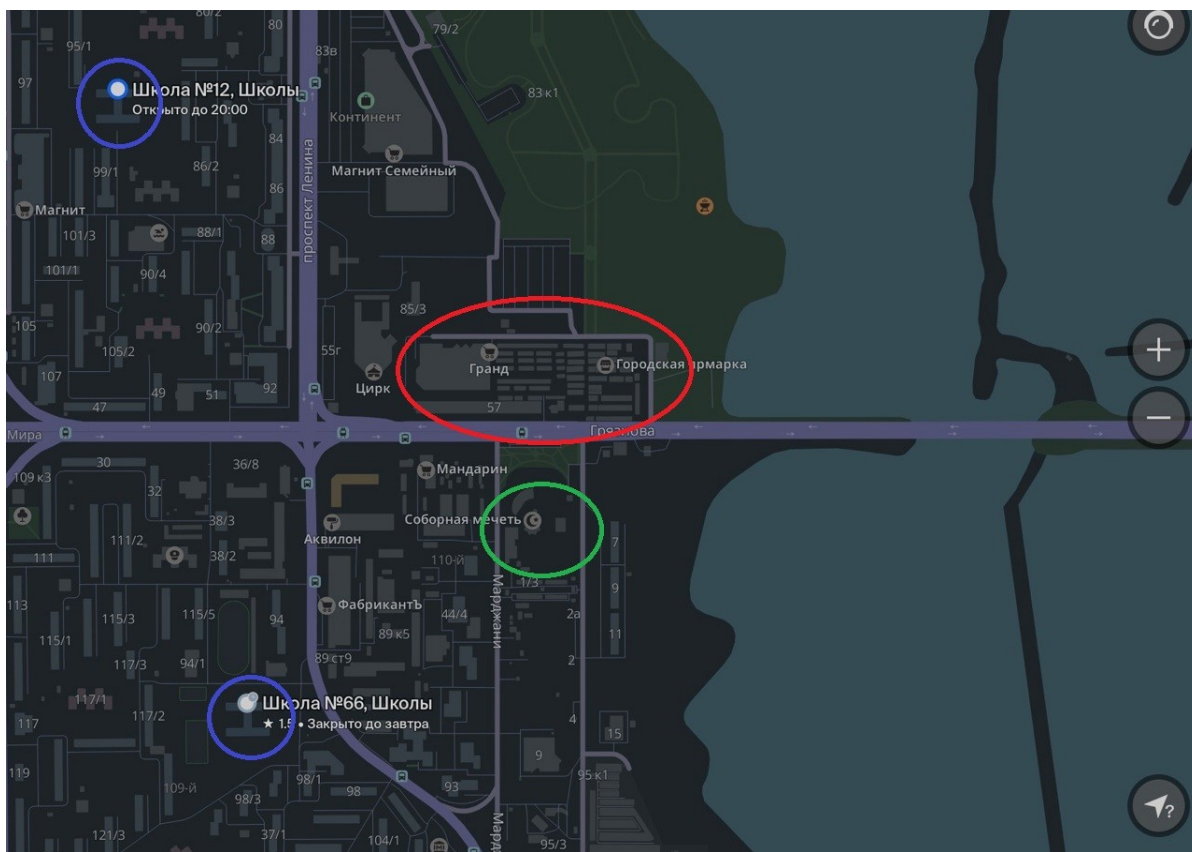

Рисунок 2. Расположение «мигрантских» локаций в застройке, примыкающей к городской Ярмарке и Соборной мечети в Магнитогорске (синим – помечены школы, рынок – красным, мечеть – зеленым)

Figure 2: Location of “migrant” locations in the development adjacent to the City Fair and the Cathedral Mosque in Magnitogorsk (schools are marked in blue, the market in red, and the mosque in green).

Во время полевых исследований практически не встречались случаи аренды вьетнамскими мигрантами квартир. В основном они расселены в общежитиях, где ранее размещались рабочие ММК и других предприятий. Информанты характеризовали вьетнамцев как максимально незаметных вне рынка. Все они уходят на работу очень рано, приходят поздно, вступая в редкие контакты с покупателями на рынке. Незначительную группу образуют преуспевшие бизнесмены, купившие жилье в Магнитогорске, а потом перебравшиеся в Челябинск (одна из таких историй см.: Зайкова, 2023), Екатеринбург, Казань или Москву. Как отметила Донг Хо:

Вьетнамцев мало, много было между 2000 и 2013 примерно годами, после пожара меньше стало, все внимание теперь и неприязнь настроено на таджиков. Китайцев в Магнитогорске почти никогда не было. А таджиков больше, они заметны, ходят в мечеть.

Жители Магнитогорска чутко реагируют на дихотомию «свой-чужой» в городском пространстве. Горожане принимают активное участие в формировании и закреплении ксенофобского нарратива, осознавая, что соседство и повседневное взаимодействие с «другими» становится все более тесным, возникает необходимость выработки более сложных практик соседства. Присутствие мигрантов рассматривается информантами и как маркер «проблемного городского района», поскольку «для таджиков никто не будет что-то благоустраивать – все равно сломают». Миграция и мигранты становятся поводом для выражения недовольства в связи с неудовлетворительным состоянием городской инфраструктуры «рабочих районов».

Мигрантская инфраструктура в Магнитогорске.

Случай вьетнамцев: «мы – есть, но нас – нет...»

На основе архивных документов можно проследить официальную численность мигрантов из Вьетнама в 1995–2000 гг. (см.: таблица 1). Точной статистики за последующие годы, к сожалению, нет, поэтому мы можем опираться лишь на оценки наших информантов и отрывочные данные МВД, опубликованные в СМИ. Кроме того, прошения о предоставлении вида на жительство гражданам КНР и Вьетнама за эти годы содержали адреса, где данные граждане проживали. Практически все эти локации находились поблизости от крупных рыночных комплексов в Челябинске и Магнитогорске (ОГАЧО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 104. Л. 19, 26, 27, 30, 31, 38, 39, 40, 41, 46, 47, 54, 55). Более того, в нескольких случаях опрос старожилов указанных домов показал, что по данным адресам когда-то находились небольшие мигрантские общежития («резиновые квартиры»), склады с товаром, кухни для приготовления блюд и т.д.

Достоверных данных о численности приезжих из Таджикистана в Челябинской области в тот период практически нет. В архивных документах сохранились оценки в 8–10 тыс. выходцев из Таджикистана, находившихся на заработках в регионе в 1999 г. Официальные оценки Челстата отрывочны. Согласно им, в 2008–2013 гг. граждане Таджикистана составляли треть от общей численности иностранной рабочей силы в Челябинской области – 17 тыс. из 55 тыс (Челябинская область..., 2010, с. 59; Около 30 процентов иностранцев... 2013). В настоящий момент ситуация, скорее всего, не сильно изменилась.

	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
КНР	1584	1098	1226	1413	1291	1227
КНДР	87	162	224	260	295	230
Вьетнам	87	134	303	265	101	162

Таблица 1. Численность рабочей силы из КНР, Вьетнама и КНДР в Челябинской области в 1995-2000 гг. (Составлено автором по: ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 23. Л. 8; Д. 33. Л. 7; Д. 47. Л. 9; Д. 59. Л. 14; Д. 75. Л. 11; Д. 80. Л. 4).

Table 1. The number of labor force from the PRC, Vietnam and the DPRK in the Chelyabinsk Oblast in 1995-2000 (Compiled by the author from: USACR. F. R-705. In. 1. C. 23. L. 8; C. 33. L. 7; C. 47. L. 9; C. 59. L. 14; D. 75. L. 11; C. 80. L. 4).

В силу того, что «этнические» рынки создавались и функционировали практически полностью в неформальном поле, заметных статистических следов об их деятельности оставлено не было. По подсчетам вьетнамской стороны, в России на тот момент (2008 г.) работало от 80 до 100 тыс. граждан Вьетнама, в основном занятых торговлей на рынках (Hoang, 2023). Официальная численность китайских мигрантов оценивалась примерно в 280 тыс.

Частично прояснить картину присутствия мигрантов на рынках Челябинской области помогают архивные документы, отложившиеся в ходе реализации постановления правительства о запрете иностранным гражданам торговать, вступившим в силу в 2007 г. (Поливанов, 2007). Так, на 187 рынках области (69 из них находились в областном центре) осуществляли торговую деятельность 4316 иностранных граждан. Из них граждан КНР было 1290, Таджикистана – 1011, Узбекистана – 729, Казахстана – 537, Кыргызстана – 393, Азербайджана – 166, Армении – 103, Вьетнама – 87 (ОГАЧО. Ф. Р. 1879. Оп. 1. Д. 46. Л. 192). Основными местами их концентрации являлись «Китайский рынок», «Восточный город» и «Каширинский рынок» в Челябинске, рыночные кластеры в Магнитогорске. После введения данного запрета цены на вещевых рынках цены пошли вверх, поскольку существенной частью инфраструктуры «дешевого привоза» управляли «челноки» из Китая и Вьетнама. Например, в Челябинске, где находилась оптовка для Магнитогорских рынков, цены сразу повысились на 16% (Газеты пишут..., 2007). Вьетнамцы для обхода запретов редко принимали гражданство России, а формально «ставили в качестве продавцов» российских граждан из числа местных жителей или центрально-азиатских мигрантов, чаще всего таджиков.

Общая численность вьетнамских мигрантов в Магнитогорске оценивалась информантами (по состоянию на июль 2023 г.) «примерно в сто человек, почти все заняты на рынке». До пандемии коронавируса этот показатель был существенно больше. По словам Сун Тон, «примерно 1000 вьетнамцев проживали

в области, из них 500 в Магнитогорске работали постоянно на рынке». Некоторые приезжали по учебной визе, в том числе в Челябинск, но фактически во время учебы организовывали и вели бизнес на рынке Магнитогорска. Информанты из Вьетнама назвали до двух десятков таких студентов-предпринимателей, плюс многие у них работали. Учитывая, что на 2013 г. только на основании вида на жительство в области проживало свыше 400 граждан Вьетнама (Около 30 процентов иностранцев... 2013), названные информантами цифры выглядят достоверно. Практически все они были заняты в сфере торговли и общественного питания, обеспечивая функционирование значительной части рыночной инфраструктуры: логистика, хранение и обмен валюты, точки общественного питания и проч. Открывались даже вьетнамские салоны для оказания услуг сексуального характера и т. д.

Основной сферой работы вьетнамских мигрантов в России традиционно является рыночная торговля, поскольку возможности для легального трудоустройства существенно ограничены юридически. Свою негативную роль играет слабое владение русским языком и повседневные формы дискриминации (Рязанцев, Ле Дык, Фунг Хай & Моисеева, 2022; Hoang, 2023). Все это способствует максимально возможной замкнутости, сокрытию от внешнего наблюдателя большинства атрибутов присутствия вьетнамских мигрантов.

Одним из новых ракурсов в изучении мобильности является иммобилизация, т.е. утрата мигрантом возможности оставаться мобильным под продолжительным воздействием различных дискриминационных факторов. «Неподвижность» в образе жизни мигранта – это реальность, с которой вынужденно перемещенные лица, а также жертвы торговли людьми постоянно сталкиваются как в пути, так и в пункте назначения, но лишь в последнее время исследователи стали обращать внимание на иммобилизацию «добровольных» мигрантов, в том числе перемещающихся по формальным каналам (Haugen, 2012; Bélanger & Silvey, 2020; Aharon 2022). Эта исследовательская оптика позволила Лан Ань Хоанг (2023) увидеть состояние неподвижности на примере вьетнамских мигрантов, торгующих на московских рынках.

Как отмечали информанты, они стараются жить по принципу: «мы – есть, но нас – нет». Тун Хо резюмировала, что, за исключением нелегальных рабочих швейных фабрик, которых работодатели часто изолируют на производствах и в общежитиях, расположенных в сельской местности, замкнутость для вьетнамских мигрантов в любом российском городе является вынужденной мерой. Постоянное чувство опасности является мощной регулирующей и дисциплинирующей силой в социальной жизни вьетнамских мигрантов, формируя их образ жизни и необходимые им институты вне поля зрения принимающей стороны. Сводя передвижения и связанные с ними риски к минимуму, мигранты часто проживают рядом с рынком, где они работают, даже если это сопряжено со сложными бытовыми условиями в переполненных комнатах

общежитий. Аналогичные результаты получены другими авторами в ходе полевых исследований в Москве (См.: Hoang, 2023).

Информанты осознают, что из всех групп мигрантов, с которыми они взаимодействуют, именно они – вьетнамцы – находятся в наиболее уязвимом положении. Во время глубинного интервью один из информантов, хорошо владеющих русским языком, даже вспомнил сцену из киноленты «О чем говорят мужчины». Актер М. Ефремов в образе священника освящал отделение полиции со словами: «...и да будет построено на вашей территории еще и вьетнамское общежитие, каждый чтоб живущий в нем не имел бы регистрации». Хим Со в связи с этим подметил следующее:

...вьетнамцев тут (т. е. в Магнитогорске) всегда было мало в сравнении с мигрантами из других стран, но именно мы всегда ощущали максимальную дискриминацию, регулярно становясь жертвами поборов.

Планируя миграционную стратегию, информанты надеются заработать денег на торговле, как это удавалось нескольким волнам «челноков» до них, но продолжительное время они сталкиваются с чередой экономических кризисов (с 2014 г.), вызванных санкциями и пандемией коронавируса. Добавим к этому огромный ущерб, причиненный серией пожаров во вьетнамских торговых рядах в Магнитогорске; некоторые даже упомянули пожар на рынке «Садовод» в Москве.

У меня были дела с родственником на рынке в Москве, но все планы на перевозку больших партий вещей нам «сожгли». Когда нам хотят указать наше место, устраивают пожар. Даже тут. Кто? Не знаю и знать не хочу. Может быть, просто провода старые «коротнуло».

Турбулентность российской экономики, колебания курса рубля в последние годы и нарушение многих логистических цепочек расстроили планы вьетнамских мигрантов по расширению бизнеса. Представления о возможности заработать большие деньги, как это получалось у предшественников, привлекавших молодых мигрантов в российские города, в частности в Магнитогорск, сменились пессимизмом. Однако, по словам Хим Кванг, возвращение во Вьетнам «с пустыми руками» также не рассматривалось, поскольку это чревато «позором, перспективой безработицы и падения самооценки».

Будучи неспособны достичь основных целей миграции (заработок денег и ведение бизнеса), информанты все же не желали возвращаться назад во Вьетнам. Тем самым они оказались в состоянии постоянной неопределенности, когда планы на будущее переносятся на отдаленную перспективу. Видимо, по этой причине крайне сложно выявить свидетельства транснационального образа жизни вьетнамских мигрантов. Большинство информантов склонялись к мысли, «что вьетнамцы России менее транснациональны, нежели в других странах». Частично тезисы, озвученные в собранных

интервью, подтверждаются рядом недавних исследований (Hüwelmeier, 2017; Schwenkel, 2017). Миграция в этих сложных контекстах привела к «обездвиживанию» и социальной изоляции, что не позволяет создавать и развивать свою социальную инфраструктуру, как это делают выходцы из Центральной Азии. Серия интервью позволяет говорить, что ожидание очередного кризиса и ориентация на будущее у вьетнамских мигрантов являются основными механизмами построения идентичности и образа жизни.

Полевые исследования и обзор медиа ресурсов показали, что одной из причин такой высокой степени закрытости и осознанной незаметности является неспособность и нежелание защищаться с помощью закона, плотная и вынужденная вовлеченность в различные нелегальные практики. Большинство информантов, у которых удалось взять глубинные интервью, ощущают постоянную угрозу своей безопасности. Дело в том, что вьетнамцы, аккумулирующие солидные материальные ресурсы, нередко становятся жертвами грабежей и вымогательства со стороны других групп мигрантов во время передела сфера влияния. Несколько таких резонансных случаев удалось найти в сводках медиа-порталов (В Магнитогорске застрелили гражданина Вьетнам..., 2012; Двое жителей Магнитогорска..., 2016). Кроме того, в Магнитогорске в 2019 г. силовики предотвратили массовую драку мигрантов из Таджикистана и Узбекистана. Одновременно с этим произошел крупный пожар на «Центральной ярмарке», где находились торговые ряды вьетнамцев (Леонова, 2019; Сильнейший пожар уничтожил..., 2019). Ряд информантов объяснили эти события как выяснение отношений между «большими людьми из диаспор», контролирующими сферу торговли и жизнь мигрантов, в том числе вьетнамских.

Стремление к максимальной самоизоляции сводит на нет заметность инфраструктуры вьетнамских мигрантов для внешнего наблюдателя. Во время полевых исследований обнаружены минимум два здания бывших заводских общежитий, в которых от одного до двух этажей заняты вьетнамцами. С ними соседствуют уже «на своих» этажах мигранты из Центральной Азии, в основном рабочие на городских промышленных предприятиях. На одном из входов в общежитие удалось обнаружить следы иероглифов, оставляемых в континентальном Китае, во Вьетнаме и на Тайване для привлечения счастья и удачи (Рис. 3).

Одним из наиболее заметных и узнаваемых элементов мигрантской инфраструктуры являются «этнические» кафе, посещаемые как мигрантами, так и местными жителями. Попытка обнаружить такое заведение вьетнамской кухни в Магнитогорске успеха не принесла. Как отмечали сами вьетнамские мигранты и работники рынка, «вьетнамская кухня не работает давно (с 2017-2019 гг.) – она сгорела». Определенное давление, которое испытывают приезжие из Вьетнама со стороны правоохранителей и криминальных группировок, контролирующих сферу торговли, мешает открытию своей кухни.

Приготовление еды «на всех» происходит на кухнях общежитий («готовим сами»), что приводит к конфликтам с соседями из-за специфических запахов и задымления помещений. В материалах интервью и медиа встречаются факты целенаправленной поломки датчиков дыма, «чтобы не пищали всякий раз, когда мы готовим» (Вьетнамцы ломают датчики..., 2014) и не привлекали внимание к местам проживания.

Рисунок 3. Иероглиф «Си», расположенный над входом в одно из общежитий, где живут мигранты из Вьетнама в Магнитогорске (фото автора, июль 2023 г.)

Figure 3. The character “Si” above the entrance to one of the dormitories where Vietnamese migrants live in Magnitogorsk (photo by the author, July 2023).

Магнитогорск на данный момент не воспринимается как город, в котором стоит развивать институции, предназначенные для вьетнамцев или вьетнамцами. Со слов Бок Сон, мотивация вьетнамцев к проживанию и ведению бизнеса в крупных городах на Урале снижается, они постепенно перебираются в другие части страны. Информанты упоминали о переезде знакомых в Москву и Уфу, что коррелирует с основными направлениями миграции из Вьетнама (Храмова & До, 2023, с. 125–126).

Дискуссия и выводы

Особенности формирования китайского и вьетнамского рынков во многом оказались схожи, поскольку плотные социальные взаимодействия в пределах рынка и вокруг него интерпретировались принимающей стороной сквозь призму этничности, противопоставления «своих» и «других», на роль которых в Магнитогорске первоначально выдвигались вьетнамские «челноки» и крупные оптовики (скорее всего, ввиду отсутствия китайских). Главное различие в том, что присутствие вьетнамских мигрантов не сопровождалось ростом алармистских настроений и фобий об отторжении локаций, связанных с рынком.

По мере того, как менялся этнический состав мигрантов, происходило наполнение рынка другими образами «мигрантскости», а окружающая его инфраструктура менялась под воздействием приезжих из Таджикистана (районы проживания и концентрации, школы, детские площадки, молитвенные комнаты, этнические кафе, торговые точки на каждом из перекрестков и т.д.). При этом далеко не все из них были связаны именно с рынком; в основном это рабочие предприятий, расселившиеся в общежития в той части города, где размещен рынок. Инфраструктура и социальные связи, ранее созданные вьетнамцами, во многом сохранились, но были адаптированы под свои специфические потребности и цели центральноазиатскими мигрантами.

Мигрантские локации («вьетнамские», «таджикские» и т.д.), возникновение которых связано с рынками, складывались в условиях взаимодействия различных групп этнических мигрантов и принимающей стороны там, где преобладало преимущественно жилье эконом-класса, примыкающее к рынку, как сосредоточению потенциальных рабочих мест. Реальная концентрация вьетнамцев носила минимальный характер из-за дискриминации, ограниченной вместимости жилого фонда и высокой конкуренции за него. В сложившихся к сегодняшнему моменту реалиях вьетнамцы – в отличие от мигрантов из других государств – практически не интегрируются в общество, они находятся в социальной изоляции. Это обусловлено тем, что возможности для развития бизнеса крайне ограничены, но в то же время сделанные ранее инвестиции в его организацию не позволяют уехать обратно во Вьетнам. Мигранты из этой страны словно «зависли» в этом промежуточном состоянии, будучи лишены доступа к мобильности. В лучшем случае открываются перспективы создания новых, но не менее рискованных проектов в Москве и других городах.

Проведенное исследование вносит некоторое дополнение в литературу о расселении мигрантов в России, хотя постановка исследовательских вопросов изначально и не предполагала этого. Этнические рынки в городах-миллионниках выступают важным фактором притяжения мигрантов, способствуя формированию мест их жилищной концентрации в застройке, примы-

кающей к рынку, появлению и развитию там сети мигрантских институций. Встречается и другой вариант, предполагающий создание крупных кластеров рабочих общежитий (пригороды Омска). В целом, ситуация за пределами крупных городов практически не исследована (Более подробно см.: Варшавер, Рочева, Иванова & Андреева, 2021). Случай вьетнамского рынка в Магнитогорске расширяет данное поле исследований тем, что дает представление о возможных путях возникновения мигрантских сообществ и локаций на примере относительно небольшого промышленного моногорода, где практически вся застройка имеет индустриальный характер происхождения, а подавляющее большинство жителей тесно связаны с производствами. Рыночный паттерн появления мест концентрации мигрантов, показанный в статье на примере вьетнамского рынка, действительно оказался важен, но скорее для самих вьетнамцев, а для таджикских мигрантов первостепенной роли он, судя по всему, не играл. Применительно к ним значение имел паттерн, связанный с образованием кластеров рабочих общежитий. Полевые материалы показали второстепенную роль рынка в формировании сообществ таджикских мигрантов и их инфраструктуры. Такие случаи присутствия двух паттернов в рамках одного города еще не были изучены на российском материале.

На данном этапе реализации проекта случай вьетнамского рынка в Магнитогорске вряд ли может что-то сказать нам о том, как в мире в целом образуются этнические рынки и районы концентрации мигрантов вокруг них. Скорее, это материал для следующих проектов в российском контексте. В дальнейшем автор планирует сравнить историю формирования и развития вьетнамских рынков в Казани, Уфе и Оренбурге; показать, как происходила их маркировка в качестве «вьетнамских»; проследить роль данных этнических рынков в становлении мигрантской инфраструктуры. Комплексный анализ этих исследовательских вопросов поможет понять, когда и почему в этих городах возникали именно вьетнамские рынки, есть ли какая-то логика их появления именно в данных территориальных рамках.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 23-28-10211, <https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

Автор благодарит двух анонимных рецензентов за их ценные комментарии и советы, позволившие улучшить первоначальный текст рукописи

Список литературы

- Bélanger, D., & Silvey, R. (2020). An Im/mobility turn: Power geometries of care and migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46(16), 3423–3440. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1592396>
- Demintseva, E., & Kashnitsky, D. (2016). Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia*. *International Migration*, 54(5), 29–42. <https://doi.org/10.1111/imig.12247>
- Hannam, K., Sheller, M., & Urry, J. (2006). Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*, 1(1), 1–22. <https://doi.org/10.1080/17450100500489189>
- Haugen, H. Ø. (2012). Nigerians in China: A Second State of Immobility. *International Migration*, 50(2), 65–80. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2011.00713.x>
- Hedström, P., & Ylikoski, P. (2010). Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, 36(1), 49–67. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632>
- Hoang, L. A. (2023). Migrant immobilities in the periphery: Insights from the Vietnam–Russia corridor. *Mobilities*, 18(6), 985–999. <https://doi.org/10.1080/17450101.2023.2177183>
- Hüwelmeier, G. (2017). Socialist Cosmopolitans in Postsocialist Europe. *Journal of Vietnamese Studies*, 12(1), 126–154. <https://doi.org/10.1525/jvs.2017.12.1.126>
- Kellerman, A. (2022). (Im)Mobilities: From Dichotomy to Continuum. *The Professional Geographer*, 74(2), 246–253. <https://doi.org/10.1080/00330124.2021.1993282>
- Lefebvre, H. (2000). *Writing on City*. Oxford.
- Schwenkel, C. (2017). Vietnamese in Central Europe. *Journal of Vietnamese Studies*, 12(1), 1–9. <https://doi.org/10.1525/jvs.2017.12.1.1>
- Альков, В. (2022). Все уезжают—Таджики въезжают: В Челябинске посчитали мигрантов и удивились. Sputnik Таджикистан. <https://tj.sputniknews.ru/20220817/chelebinsk-migranty-tajikistan-1050772948.html>
- Баранова, В., & Федорова, К. (2020). Видимо-невидимо: Миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 12(1), 48–80. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80>
- Бредникова, О., & Паченков, О. (2002). Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов. *Экономическая Социология*, 3(2), 74–81. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-2-74-81>
- В Магнитогорске застрелили гражданина Вьетнама. (2012). Первый областной. <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/v-magnitogorske-zastreili-grazhdanina-vjetnama-174419012012/>
- Варшавер, Е. А., Рочева, А. Л., & Иванова, Н. С. (2021). Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1939>
- Варшавер, Е. А., Рочева, А. Л., Иванова, Н. С., & Андреева, А. С. (2021). Мигранты в российских городах: Расселение, концентрация, интеграция. Дело.

- ВЦИОМ: Китай в первую очередь ассоциируется у 25% россиян с производимыми в этой стране товарами. (2009, сентябрь 30). РБК. https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/5592ce3f9a79473b7f4c8dea
- Вьетнамский рынок (Магнитогорск). Торговый ряд, вещевой рынок. (б. д.). Wikimapia. <http://wikimapia.org/20102535/ru/%D0%92%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA>
- Вьетнамцы ломают датчики, а студенты не смогут эвакуироваться при пожаре: Огнеборцы проверили магнитогорские общежития. (2014). MagCity74. <https://www.magcity74.ru/news/19759-vetnamcy-lomajut-datchiki-a-studenty-ne-smogut-jevakuirovatsja-pri-pozhare-ogneborcy-proverili-magnitogorskie-obshhezhitija.html>
- Газеты пишут о первых результатах отлучения иностранцев от рынков. (2007). Демоскоп Weekly. <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/gazeta025.php#1>
- Двое жителей Магнитогорска задержаны по подозрению в убийстве и ограблении гражданки Вьетнама. (2016, апрель 8). Интерфакс-Россия. <https://www.interfax-russia.ru/ural/news/dvoe-zhiteley-magnitogorska-zaderzhany-po-podozreniyu-v-ubiystve-i-ograbenii-grazhdanki-vetnama>
- Деминцева, Е. (2020). Мигранты в постсоветском городе. *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*, 12(1), 5–14. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-5-9>
- Джанызакова, С. Д. (2021). «Предпочитаю работать на себя»: Предпринимательство мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 1, 188–195. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-18>
- Дятлов, В. И. (2008). Россия: В предчувствии чайнатаунов. *Этнографическое обозрение*, 4, 6–16.
- Дятлов, В. И. (2015). Этнизация общественного пространства: Причины и механизмы процесса. *Вестник Томского государственного университета. История*, 5, 9–15. <https://doi.org/10.17223/19988613/37/2>
- Дятлов, В. И. (2020). «Этнические рынки» – мигрантские локальности в постсоветском городском пространстве. *Журнал исследований социальной политики*, 18(4), 577–592. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592>
- Зайкова, У. (2023, июнь 21). Уроженка Вьетнама откроет в центре Челябинска чайную, в которой будут подавать модные бабл ти и моти. 74.ru. Челябинск онлайн. <https://74.ru/text/food/2023/06/21/72411902/>
- Как таджику обрусеть? (2007, апрель 3). Магнитогорский рабочий.
- Каменских, М.С. (2018). Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, 4, 131–143. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.4.11>
- Леонова, С. (2019, август 12). В Магнитогорске драки, пожар, взрыв авто. Версия №1: Разборки диаспор ЧП происходят одно за другим. Силовики сбились с ног. Ura.ru. Информационное агентство. <https://ura.news/articles/1036278623>
- Лялькова, А. (2021, ноябрь 12). В Магнитогорске китайские рабочие вновь вышли бастовать – Им не дают улететь в КНР, чтобы там вакцинироваться. 74.ru. Челябинск онлайн. <https://74.ru/text/gorod/2021/11/12/70250033/>

- Мертон, Р. (2009). Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия. Социологический журнал, 2, 5–17.
- Миграция из Таджикистана в Россию быстро растет, несмотря на войну. (2023). CABAR. Asia. <https://cabar.asia/ru/migratsiya-iz-tadzhikistana-v-rossiyu-bystro-rastet-nesmotrya-na-voynu>
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). (б. д.).
- Около 30 процентов иностранцев в Челябинской области—Это таджики. (2013). MagCity74. <https://www.magcity74.ru/news/13278-okolo-30-procentov-inostrancev-v-cheljabinskoj-oblasti-jeto-tadzhiki.html>
- Около цирка появилась продовольственная ярмарка. (1999, февраль 27). Магнитогорский рабочий.
- Олимова, С. (2003). Трудовая миграция из Таджикистана. Международная организация миграции.
- Опарин, Д. А. (2022). Мусульманское пространство московского региона и миграция: Фрагментация, диверсификация, интеграция. Сибирские исторические исследования, 3, 111–126. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/7>
- Пешкова, В. М. (2015a). Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве). Мир России, 24(2), 129–151.
- Пешкова, В. М. (2015b). Среднеазиатские этнические кафе Москвы: Мигрантская инфраструктура в городском пространстве. В В. И. Дятлов & К. В. Григоричев (Ред.), Этнические рынки в России: Пространство торга и место встречи (с. 186–202). Издательство ИГУ.
- По законам рынка. (1995, сентябрь 6). Магнитогорский рабочий.
- Поливанов, А. (2007). Базара нет С 1 апреля иностранцам запрещено торговать на российских рынках. Lenta.RU. <https://lenta.ru/articles/2007/04/02/bazaar/>
- Реутова, Ю. (2018). О взрывах в Магнитогорске, шахидах и вере: Муфтий Челябинской области рассказал о радикальном исламе. 74.ru – новости Челябинска. <https://74.ru/text/gorod/2019/03/04/66000810/>
- Рыночные переделки. (1995, май 31). Магнитогорский рабочий.
- Рязанцев, С. В., Ле Дык, А., Фунг Хай, Х., & Моисеева, Е. М. (2022). Вьетнамская диаспора в России и ее вклад в развитие двусторонних отношений. Вьетнамские исследования, 6(3), 34–45. <https://doi.org/10.54631/VS.2022.63-106318>
- Сильнейший пожар уничтожил павильоны торгового рынка в Магнитогорске. (2019). <https://www.lobl.ru/news/proisshestviya/silneyshiy-pozhar-unichtozhil-pavilony-torgovogo-rynka-v-magnitogorske/>
- Соколов, А. (2016). Вьетнамцы в России: История миграций и диаспоры. В С. Панарин (Ред.), Восток на Востоке, в России и на Западе: Трансграничные миграции и диаспоры (с. 145–158). Нестор-История.
- Храмова, М. Н., & До, Х. Л. (2023). Вьетнамские предприниматели в России: Иммиграция, проблемы ведения бизнеса и перспективы сотрудничества. ДЕМИС. Демографические исследования, 3(2), 119–133. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.9>
- Челябинская область в цифрах: Краткий статистический сборник. (2010). Челябинскстат.

References

- Al'kov, V. (2022). Vse uezzhayut—Tadzhiki v"ezzhayut: V Chelyabinske poschitali migrantov i udivilis'. Sputnik Tadzhikistan. <https://tj.sputniknews.ru/20220817/chelebinsk-migranty-tajikistan-1050772948.html> (In Russian).
- Baranova, V., & Fedorova, K. (2020). Growing Visibility: Migration and Transformations in Saint Petersburg's Linguistic Landscape. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12(1), 48–80. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80> (In Russian).
- Bélanger, D., & Silvey, R. (2020). An Im/mobility turn: Power geometries of care and migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46(16), 3423–3440. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1592396>
- Brednikova, O., & Pachenkov, O. (2002). Ethnicity of the “Ethnical Economics” and Social Networks of Migrants. *Economic Sociology*, 3(2), 74–81. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-2-74-81> (In Russian).
- Chelyabinskaya oblast' v tsifrakh: Kratkiy statisticheskiy sbornik. (2010). Chelyabinskstat. (In Russian).
- Demintseva, E. (2020). Migrants in the Post-Soviet City. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12(1), 5–14. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-5-9> (In Russian).
- Demintseva, E., & Kashnitsky, D. (2016). Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia*. *International Migration*, 54(5), 29–42. <https://doi.org/10.1111/imig.12247>
- Dvoe zhiteley Magnitogorska zaderzhany po podozreniyu v ubiystve i ograblenii grazhdanki V'etnama. (2016, April 8). Interfaks-Rossiya. <https://www.interfax-russia.ru/ural/news/dvoe-zhiteley-magnitogorska-zaderzhany-po-podozreniyu-v-ubiystve-i-ograblenii-grazhdanki-vetnama> (In Russian).
- Dyatlov, V. I. (2008). Rossiya: V predchuvstvii chaynataunov. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4, 6–16. (In Russian).
- Dyatlov, V. I. (2015). The ethnicization of public space: reasons and mechanisms of the process. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 5, 9–15. <https://doi.org/10.17223/19988613/37/2> (In Russian).
- Dyatlov, V. I. (2020). 'Ethnic Markets' – Migrant Localities in Post-soviet Urban Spaces. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(4), 577–592. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592> (In Russian).
- Dzhanyzakova, S. D. (2021). “I prefer to work for myself”: the entrepreneurship for migrants from Central Asia in a Siberian city (the case study of Tomsk). *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 1, 188–195. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-18> (In Russian).
- Gazety pishut o pervykh rezul'tatakh otlucheniya inostrantsev ot rynkov. (2007). Demoskop Weekly. <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/gazeta025.php#1> (In Russian).
- Hannam, K., Sheller, M., & Urry, J. (2006). Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*, 1(1), 1–22. <https://doi.org/10.1080/17450100500489189>
- Haugen, H. Ø. (2012). Nigerians in China: A Second State of Immobility. *International Migration*, 50(2), 65–80. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2011.00713.x>
- Hedström, P., & Ylikoski, P. (2010). Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, 36(1), 49–67. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632>
- Hoang, L. A. (2023). Migrant immobilities in the periphery: Insights from the Vietnam–Russia corridor. *Mobilities*, 18(6), 985–999. <https://doi.org/10.1080/17450101.2023.217183>

- Hüwelmeier, G. (2017). Socialist Cosmopolitans in Postsocialist Europe. *Journal of Vietnamese Studies*, 12(1), 126–154. <https://doi.org/10.1525/jvs.2017.12.1.126>
- Kak tadzhiku obruset'? (2007, April 3). *Magnitogorskiy rabochiy*. (In Russian).
- Kamenskikh, M. S. (2018). Migrants and stereotypes about migrants in the public space of the Russian metropolis. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 4, 131–143. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.4.11> (In Russian).
- Kellerman, A. (2022). (Im)Mobilities: From Dichotomy to Continuum. *The Professional Geographer*, 74(2), 246–253. <https://doi.org/10.1080/00330124.2021.1993282>
- Khramova, M., & Do, H. L. (2023). Vietnamese Entrepreneurs in Russia: Immigration, Business Problems and Cooperation Prospects. *DEMIS. Demographic Research*, 3(2), 119–133. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.9> (In Russian).
- Lefebvre, H. (2000). *Writing on City*. Oxford.
- Leonova, S. (2019, August 12). V Magnitogorske draki, pozhar, vzryv avto. Versiya №1: Razborki diaspor ChP proiskhodyat odno za drugim. Siloviki sbilis' s nog. Ura.ru. Informatsionnoe agentstvo. <https://ura.news/articles/1036278623> (In Russian).
- Lyal'kova, A. (2021, November 12). V Magnitogorske kitayskie rabochie vnov' vyshli bastovat'—Im ne dayut uletet' v KNR, chtoby tam vaksinirovat'sya. 74.ru. Chelyabinsk onlayn. <https://74.ru/text/gorod/2021/11/12/70250033/> (In Russian).
- Merton, R. (2009). The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action. *Sociological Journal*, 2, 5–17. (In Russian).
- Migratsiya iz Tadzhikistana v Rossiyu bystro rastet, nesmotrya na voynu. (2023). CABAR. Asia. <https://cabar.asia/ru/migratsiya-iz-tadzhikistana-v-rossiyu-bystro-rastet-nesmotrya-na-voynu> (In Russian).
- Okolo 30 protsentov inostrantsev v Chelyabinskoy oblasti—Eto tadzhiki. (2013). MagCity74. <https://www.magcity74.ru/news/13278-okolo-30-procentov-inostrancev-v-chelyabinskoy-oblasti-jeto-tadzhiki.html> (In Russian).
- Okolo tsirka poyavilas' prodovol'stvennaya yarmarka. (1999, February 27). *Magnitogorskiy rabochiy*. (In Russian).
- Olimova, S. (2003). *Trudovaya migratsiya iz Tadzhikistana. Mezhdunarodnaya organizatsiya migratsii*. (In Russian).
- Oparin, D. A. (2022). Muslim Space of the Moscow Region and Migration: Fragmentation, Diversification, Integration. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 3, 111–126. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/7> (In Russian).
- Peshkova, V. M. (2015a). Migrant Infrastructure in Russian Cities (the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *Universe of Russia*, 24(2), 129–151. (In Russian).
- Peshkova, V. M. (2015b). Sredneaziatskie etnicheskie kafe Moskvy: Migrantskaya infrastruktura v gorodskom prostranstve. In V. I. Dyatlov & K. V. Grigoriev (Eds.), *Etnicheskie rynki v Rossii: Prostranstvo torga i mesto vstrechi* (pp. 186–202). Izdatel'stvo IGU. (In Russian).
- Po zakonam rynka. (1995, September 6). *Magnitogorskiy rabochiy*. (In Russian).
- Polivanov, A. (2007). Bazara net S 1 aprelya inostrantsam zapreshcheno trgovat' na rossiyskikh rynkakh. Lenta.RU. <https://lenta.ru/articles/2007/04/02/bazaar/> (In Russian).
- Reutova, Yu. (2018). O vzryvakh v Magnitogorske, shakhidakh i vere: Muftiy Chelyabinskoy oblasti rasskazal o radikal'nom islame. 74.ru – novosti Chelyabinska. <https://74.ru/text/gorod/2019/03/04/66000810/> (In Russian).

- Ryazantsev, S. V., Le Duc A., Phùng Huy, H., & Moiseeva E. M. (2022). Overseas vietnamese in Russia and their contributions to the promotion of bilateral relations. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6(3), 34–45. <https://doi.org/10.54631/vs.2022.63-106318> (in russian).
- Rynochnye peredelki. (1995, May 31). *Magnitogorskiy rabochiy*. (In Russian).
- Schwenkel, C. (2017). Vietnamese in Central Europe. *Journal of Vietnamese Studies*, 12(1), 1–9. <https://doi.org/10.1525/jvs.2017.12.1.1>
- Sil'neyshiy pozhar unichtozhil pavi'l'ony torgovogo rynka v Magnitogorske. (2019). <https://www.1obl.ru/news/proisshestviya/silneyshiy-pozhar-unichtozhil-pavilony-torgovogo-rynka-v-magnitogorske/> (In Russian).
- Sokolov, A. (2016). V'etnamtsy v Rossii: Istoriya migratsiy i diaspory. In S. Panarin (Ed.), *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: Transgranichnye migratsii i diaspory* (pp. 145–158). Nestor-Istoriya. (In Russian).
- United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACHR). (n. d.). (In Russian).
- V Magnitogorske zastrelili grazhdanina V'etnama. (2012). *Pervyy oblastnoy*. <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/v-magnitogorske-zastrelili-grazhdanina-vjetnama-174419012012/> (In Russian).
- V'etnamskiy rynek (Magnitogorsk). *Torgovyy ryad, veshchevoy rynek*. (n. d.). Wikimapia. <http://wikimapia.org/20102535/ru/%D0%92%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA> (In Russian).
- V'etnamtsy lomayut datchiki, a studenty ne smogut evakuirovat'sya pri pozhare: Ognebortsy proverili magnitogorskie obshchezhitiya. (2014). *MagCity74*. <https://www.magcity74.ru/news/19759-vetnamcy-lomajut-datchiki-a-studenty-ne-smogut-jevakuirovatsja-pri-pozhare-ogneborcy-proverili-magnitogorskie-obshhezhitija.html> (In Russian).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., & Ivanova, N. S. (2021). Factors and Mechanisms of the Formation of Migrant Residential Concentration Areas Around Markets. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 5. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1939> (In Russian).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., Ivanova, N. S., & Andreeva, A. S. (2021). *Migranty v rossiyskikh gorodakh: Rasselenie, kontsentratsiya, integratsiya*. Delo. (In Russian).
- VTsIOM: Kitay v pervuyu ochered' assotsiiuetsya u 25% rossiyan s proizvodimymi v etoy strane tovarami. (2009, September 30). *RBC*. https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/5592ce3f9a79473b7f4c8dea (In Russian).
- Zaykova, U. (2023, June 21). *Urozhenka V'etnama otkroet v tsentre Chelyabinska chaynuyu, v kotoroy budut podavat' modnye babl ti i moti*. 74.ru. Chelyabinsk onlayn. <https://74.ru/text/food/2023/06/21/72411902/> (In Russian).